

форме верлибров чередуются будничные сцены, сюжеты античных мифов, исторических событий и семейной мифологии, мотивы народных загадок... Халилович — автор из Санджака, мусульманского региона Сербии, и в его текстах заметно влияние исламской словесности. А ещё он коллекционер устного народного творчества, журналист, юрист, эрудит. Его стихотворения — калейдоскоп этих разнородных элементов, связанных воедино узнаваемым устройством «фабула — неожиданный вывод» и афористической интонацией. Вводное стихотворение «Экзистенция», говорящее о секвойе, задаёт координаты этой книги: «она растёт в двух направлениях и скорость её роста растёт». С параллелепипедом её внутреннее устройство, как замечает в своём послесловии Урош Ристанович, роднит и то, что «в них — в формах стихов, их длине, тематике, мышлении, сенсациозности и анекдотичности — можно увидеть шесть граней параллелепипеда, обращённых друг к другу и встроённых, как фурнитура, во внутреннюю клетку сборника». Как видно, перед нами книга, которая, несмотря на кажущуюся простоту и доступность для инокультурной аудитории, устроена как шкатулка с двойным дном — с какой стороны её исследовать и искать ли вообще рычажок, открывающий глазу скрытое содержание, зависит от самого читателя. При переводе сборника, по-видимому, главной сложностью было сохранить ёмкий язык Халиловича, его внешне ровную интонацию и обманчивую простоту, не скатываясь ни в многословность, ни в напыщенность, ни в

стилистическую пресность. Анна Смутная справляется с этой задачей не всегда одинаково успешно: порой находит замечательные лексические решения, которые, как специи, сообщают вкус переводным стихам, а порой, наоборот, следует за авторскими инверсиями и архаизмами, которые вне контекста словесности и устной традиции, о которых сказано выше, выглядят несколько наигранно. И всё же чувствуется, что у переводчицы за плечами большой опыт работы с текстами Энеса Халиловича: на протяжении всего сборника авторский голос выверен и узнаваем. Можно сказать, что стихи Халиловича определённо обрели своё русское звучание.

koji sanja sekvoju — umrijeće. koji ne sanja sekvoju / — umrijeće. // žilava i stamena, ali bila je i ostaće zavisno biće. čak / ni svoju laku sjenu ne može baciti na koju hoće / stranu. // zapremnina najveće sekvoje dovoljna je za izradu / devet milijardi čačkalica. zašto ekonomisti / smatraju da devet milijardi čačkalica vrijedi više / od jedne sekvoje?

видевшие секвойю во сне — умрут, не видевшие секвойю / во сне — умрут. // крепкая и выносливая, она была и остаётся подневольным созданием. / даже свою лёгкую тень она не может отбросить на желаемую сторону. // объёма самой большой секвойи достаточно для производства / девяти миллиардов зубочисток. почему экономисты / считают, что девять миллиардов зубочисток ценнее / одной секвойи?

Анна Ростюкина

ПЕРЕВОДЫ С РУССКОГО

Pavel ARSENEV. *Le russe comme non maternelle* Aix-en-Provence: Edition VanLoo, 2024. — 108 p.

В последнее время Павел Арсеньев, пожалуй, больше занят академическими, нежели литературными сюжетами: в «Новом ли-

тературном обозрении» только что вышел объёмный том его исследования о ЛЕФе, там же готовится ещё одна книга о литературной медиалогии XIX века. Параллельно с этим появляются переводы его стихов на другие языки — английский, французский, итальян-

ский и, думается, это пока открытый список. Можно выдвинуть тезис, что именно в переводе — особенно на языки с романским субили суперстратом — эта поэзия выглядит наиболее убедительно: и в русских стихах Арсеньева можно обнаружить продуктивное влияние романского синтаксиса с его расчленяющим рационализмом, точностью и взвешенностью отдельного слова. В переводе на французский эти особенности поэтического письма, понятно, усилены, хотя отчасти тот эффект бескомпромиссной ясности, которыми эти стихи могли запомниться русскому читателю, напротив, здесь сглажен. При этом открывают книгу образцы почти что *found poetry* — CV и диплом автора в переводе на французский с острающими комментариями, которые превращают эти тексты в поэтические, — а закрывает цикл, фиксирующий «труды и дни» скорее академического, нежели политического эмигранта со всем их интеллектуально насыщенным, хотя и событийно бедным бытом. Другие же тексты, включённые в книгу, относятся ещё к предыдущему, петербургскому, этапу деятельности Арсеньева — ко временам активности и славы альманаха «Транслит», поисков того, как можно поэтическими методами работать с чужой речью, и прощупывания самих границ поэтического, от которых автор намеренно отходит довольно далеко, чтобы — по заветам формалистов — очертить их яснее. Это движение продолжается и в более поздних текстах сборника — например, цикле «Слова моих друзей» (отметим изящный гендер-гэп во французском названии *Paroles de mes ami(e)s*), где при переводе на французский появляется некая легковесность и воздушность, несвойственная русскому оригиналу с его более придирчивым вниманием к речевым характеристикам персонажей; в то же время, перевод заставляет звучать эти тексты как более универсальные, оторванные от породившего их фракционного контекста (тем более, что французский там иногда сменяется английским).

Marseille, c'est comme Samara. / Il suffit d'inverser les syllabes // Prose is a privilege, to write it / You need a rented flat // Ce soir-là, Macha a battu des ailes / Et est devenue méta-féministe.

Кирилл Корчагин

Maria GALINA. *Communiqués / No. 7*

Preface by Polina Barskova; translated by Anna Halberstadt and Ainsley Morse. — NY: Cicada Press, 2023. — 170 p.

Двуязычная книга Марии Галиной — сборник стихов, законченный ею в феврале 2022 года и только на русском ранее не выходящий; этим объясняется двоякость названия: русскоязычный оригинал назван просто «№ 7» (это седьмая книга стихов Галиной, если не считать фигурирующего в библиографиях крохотного буклета 1994 года), а переводчикам пришлось воспользоваться названием частей в поэме «Из донесений Гийома де Боплана» («Реляции»). В качестве автоэпиграфа использовано также стихотворение «Вот радио играет “в рабочий полдень”» (2014, из книги «Четыре года времени»), показывающее последовательность того мифопоэтического претворения военной тематики, которое характерно и для новой книги (перевод этого стихотворения выполнен группой из 10 человек, ни один из которых не опознал московского топонима в строчке «Гармонист подземный в раскалённой глотке таганки», так что в английском тексте фигурирует *Subterranean bard in the red-hot cauldron's gullet* — кто-то из переводчиков знал слово «таганок»). Полина Барскова в предисловии определяет Галину как автора одновременно работающего с документальным письмом и фантастической литературой, полагая, что именно эта комбинация позволяет ей в полной мере схватить сегодняшнюю реальность, сколь действительную, столь и невозможную. Галина, действительно, создаёт в этой книге сложную комбинацию дискурсов. Первый раздел, «Царь горы», смонтирован из поэмы «Из донесений Гийома де Боплана» (ранее печаталась в «Но-